

визуально реализовать грандиозность музыкально-театральных замыслов Дж. Россини, Д.Ф.Э. Обера, Дж. Мейербера и Ф. Галеви.

Список литературы

1. Жесткова О.В. Livrets de mise en scène во французской опере первой половины XIX века // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.science-education.ru/115-12193
2. Жесткова О. Правдивость и иллюзорность театрального декора во французской опере 20—30-х годов XIX века // Израиль XXI. 2013. № 39 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.21israel-music.com/opera_decore.htm
3. Allévy M.-A. La Mise en scène en France dans la première moitié du dix-neuvième siècle. Edition critique d'une mise en scène romantique. — Paris, 1938.
4. Жесткова О.В. Опера «Немая из Портичи» и ее социально-политическое значение для Франции двадцатых—тридцатых годов XIX века // Научный вестник Московской консерватории. — 2012. — № 1.
5. La Revue Musicale, publiée M.F.J. Fétis. T. III. — Paris: Au Bureau du Journal, 1828.
6. Dion-Tenenbaum A. Multiple Duponchel // Revue de l'Art. — Paris, 1997. Vol. 116.
7. Wild N. Dictionnaire des théâtres parisiens au XIXe siècle: les théâtres et la musique. — Paris: Aux Amateurs de livres, 1989.
8. Duponchel A. Des bals costumés de S.A.R. Madame la duchesse de Berri, comparés aux diverses mascarades qui ont eu lieu en cour depuis le 14e siècle // Revue de Paris. 2 ed. Tome 1. — Bruxelles: Demengeot et Goodman, 1829.
9. Le Journal des débats politiques et littéraires. — 1831. — 23 Novembre.
10. La Revue des Deux Mondes. — Paris: Au Bureau, 1831. T. IV.
11. Véron L. Mémoires d'un bourgeois de Paris: comprenant la fin de l'Empire, la Restauration, la Monarchie Juillet, la République jusqu'au rétablissement de l'Empire. — Paris: Librairie nouvelle, 1857. T. III.
12. Le Constitutinnell. — Paris, 1831. — 23 Novembre.
13. Séchan Ch. Souvenirs d'un homme de théâtre, 1831—1855. — Paris: Calmann Lévy, 1883.
14. L'Artiste: journal de la littérature et des beaux-arts, I série. T. VI. — Paris, 1833.
15. Le Temps — 1833. — 3 Mars.
16. Boigne Ch. de. Petits Mémoires de l'Opera. — Paris: Librairie nouvelle, 1857.
17. Castil-Blaze. L'Académie impériale de Musique: histoire littéraire, musicale, politique et galante de ce théâtre, de 1645 à 1855. T. II. — Paris: Castil-Blaze, 1855.
18. [J. J.] Le Journal des débats, politiques et littéraires. — Paris, 1833. — 1 Mars.
19. Le Courrier Français. — Paris, 1835. — 27 Février.
20. Le Temps. — 1835. — 26 Février.
21. Gautier T. La Presse. — Paris, 1847. — 5 Juillet.
22. Гейне Г. Письма о французской сцене. Письмо десятое // Г. Гейне. Полн. собр. соч. / под ред. П.В. Быкова. Т. 11. — СПб.; М.: Товарищество М.О. Вольф, 1900.
23. Берлиоз Г. Мемуары / пер. О.К. Слезкиной. — М.: Музгиз, 1962.
24. L'Artiste: journal de la littérature et des beaux-arts, I série. T. IX. — Paris, 1835.
25. Scudo P. De l'influence du mouvement romantique sur l'art musical et du rôle qu'a voulu jouer M.H. Berlioz. — Paris: La Revue indépendante, 1846.
26. Gautier T. Histoire de l'art dramatique en France depuis vingt-cinq ans, 6 vols. — Paris: Hetzel, 1858. T. 2.

УДК 908+930.85
ББК 71.4+78.347.1+79.0

И.И. ГОРБАТОВА

ЗДЕСЬ ЖИЛ GENIUS LOCI

Статья посвящена уникальному памятнику отечественной культуры — «Всеобщей библиотеке России» и Дому Черткова. Сегодня Дом Черткова разделяет судьбу многих памятных мест России, оказавшихся под угрозой уничтожения. Между тем подобные символы исторического и культурного наследия могли бы стать прекрасным материалом как для патриотического воспитания, так и для доказательства величия России, столь необходимого государствам в условиях глобализации.

Ключевые слова: А.Д. Чертков, библиотеки, культурное наследие, интеллигенция, культурно-просветительные общества, общественное служение, подготовка кадров, меценаты, Всесоюзное общество «Знание».

Связь человека с местом его обитания загадочна, но очевидна. Ведает ею известный древним *genius loci* (гений места), связывающий интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой. На линиях органического пересечения ху-

дожника с местом его жизни и творчества возникает новая, неведомая прежде реальность.

*Из аннотации к книге Петра Вайля
«Гений места»*

«Дан приказ вспомнить себя»

Сегодня в России не утихают дебаты вокруг отечественной истории. Столь пристальное внимание идеологов и политиков к прошлому далеко не случайно: в ходе опросов ВЦИОМ на вопрос «Что вызывает у россиян чувство гордости своей страной?» самое большое количество респондентов неизменно отвечают: «Ее история». В то же время их оценки жизни в современной России намного ниже.

«Все организованные сообщества, интеллектуальные и нет, ученые и нет, а не только этносы и социальные меньшинства, обнаруживают необходимость заняться поисками основ своей собственной организации, разысканием своих истоков», — констатировал еще в начале 80-х годов XX века французский ученый Пьер Нора — автор знаменитого исследования «Франция — память». Пьер Нора утверждает, что нынешнее ускорение исторических процессов нарушило прежнее равновесие, «вырвано с корнем все то, что еще сохранялось из пережитого в тепле традиций, в мутациях обычаев, в повторениях пришедшего от предков под влиянием глубинного исторического чувства». Поэтому «дан приказ вспомнить себя» [1]. Это приказ всему миру. Глубокие изменения в отношениях с прошлым не могли не коснуться и России. Тут и критика официальных исторических версий, и повышенный интерес к ранее замалчиваемым темам, и стремление больше узнать о своих «корнях», и рост числа генеалогических исследований, и открытие архивов для публичных дебатов.

Процессы глобализации вызвали защитную реакцию: государства стремятся доказать свой приоритет, свои преимущества, свою «избранность». Самые веские доказательства этого ищут в собственной истории. «Чем более великим было происхождение, тем больше оно возвеличивает нас сегодняшних» [1]. Не что иное, как «возвеличивание нас сегодняшних» и тем самым формирование в сознании россиян, и прежде всего молодого поколения, чувства «национальной гордости великороссов», принято за основу и объявлено главной задачей патриотического воспитания россиян. К сожалению, пока поиск эффективных средств этого воспитания не принес сколько-нибудь заметных результатов. И одна из причин, думается, как раз в том, что недооценены, забыты и плохо используются многие конкретные свидетельства истории — памятники истории и культуры как вещественные, так и нематериальные, которые раскрывают представления об историческом времени, воссоздают образ народа, превалирующие в то или иное время идеалы, мировоззренческие установки, нравственные ценности, понятия о Красоте, Добре, Справедливости. Все это Пьер Нора называет «местами памяти», воплощающими в себе единство духовного и материального порядков, которое со временем и по воле людей стало «символическим элементом наследия национальной памяти общности» [1]. Места памяти при этом понимаются не буквально: это не только города, дома, поля сражений, но и человеческие судьбы, события, предметы, книги, песни,

окруженные символической аурой. «Здесь встречаются память и история. Они дают нам возможность ощутить ту внутреннюю привязанность, которая все еще заставляет нас чувствовать себя должниками по отношению к тому, что нас сделало. А историческая удаленность предоставляет право бесстрастно осматривать наследство и составлять его инвентарь. <...> При изучении места памяти главное не только материальное или историческое его ядро, но его отражение в сознании и формы его восприятия» [1].

Значение, которое сообщество придает определенным местам памяти, не остается неизменным. По смене отношения к ним общества можно изучать изменения исторического самосознания и коллективной идентичности. Отдельные места памяти могут быть забыты. Наступают иные времена, и к некогда забытым местам памяти вновь приковано внимание.

Есть на земле уголки, города, села, здания, будто бы созданные для того, чтобы здесь наиболее полно и ярко реализовались творческие идеи, приходили творческие озарения, делались великие открытия. Таким было Болдино для Пушкина, Ясная Поляна для Толстого, Ивановка для Рахманинова, Париж для Дюма. «Связь человека с местом его обитания загадочна, но очевидна. Ведает ею известный древним Genius loci (гений места), связывающий интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой. На линиях органического пересечения художника с местом его жизни и творчества возникает новая, неведомая прежде реальность» [2]. Согласно римской мифологии, genius loci — это некий добрый дух, который превращает избранное им место в место памяти — символический элемент наследия нации, наглядное доказательство ее величия. Гениев места не так уж много — на то они и гении. Стало быть, не так много и выдающихся мест памяти. Причем, многие из них, как известно, находясь под угрозой уничтожения, требуют особой охраны, заботы, а то и бастионов их защиты.

Особенно актуально это в современной России, переживающей период не просто забвения многих своих мест памяти, но их безжалостного разрушения. Своего рода символом подобного отношения стала судьба уникального собрания рукописей и книг о России — «Всеобщей библиотеки о России», созданной Александром Дмитриевичем Чертковым и подаренной им Москве, и дома на Мясницкой улице, который в прошлом москвичи так и называли «Дом Черткова». В течение почти двух веков гений этого места последовательно и неустанно притягивал сюда выдающихся людей своего времени. Много ли найдется домов, где бывали А.С. Пушкин и генеральный конструктор С.П. Королев, историк С.М. Соловьев и популярный исследователь Умберто Нобиле, Н.В. Гоголь и председатель ВСНХ Ф.Э. Дзержинский?

По тому, что происходило в его стенах, можно проследить движение во времени российской культуры, смену ее парадигм. Менялись исторические эпохи, политические режимы, доминирующие типы личности, идеалы, нравственные ориентации, и в дом приходили новые люди с новыми идеями и планами.

История дома на Мясницкой, 7 как центра культуры началась в первой половине XIX века, когда в 1831 году здесь поселился Александр Чертков — один из первых, с кого берет начало список великих российских меценатов, какими были династии купцов Морозовых, Третьяковых, Алексеевых, Бахрушиных, Рукавишниковых, промышленник Савва Мамонтов, кадровый военный Альфонс Шанявский, княжна Александра Стрекалова, представляющие особую породу людей, рожденных, по словам Ахматовой, «чтоб расточать, а не копить».

Великие меценаты, как правило, были и великими коллекционером, они не только собрали уникальные коллекции произведений искусства, но и сделали их общественным достоянием: Третьяков подарил Москве Третьяковскую галерею, Бахрушин — театральный музей, Морозовы — кустарный музей. Полковник в отставке Александр Чертков, посвятивший жизнь формированию книжного собрания о России и превращению его в профессионально организованную специализированную книжную коллекцию, подарил «Всеобщую библиотеку о России», с которой берет начало Государственная историческая библиотека.

Александр Дмитриевич Чертков и его Библиотека

Александр Дмитриевич Чертков стал первым избранником гения места — дома на Мясницкой. О таких, как Чертков, говорят: «Он сделал себя сам». Получив только домашнее, правда блестящее, образование, он продолжал учиться всю жизнь и, благодаря самообразованию, стал энциклопедически образованным человеком. Черткову прочили военную карьеру. В 20 лет он вступает в лейб-гвардейский конный полк. Начинается война 1812 года. Чертков — один из организаторов московского ополчения, участвует в боях сначала на территории России, потом под Дрезденом и Лейпцигом. В походных условиях он не расстается с книгами, ведет тетради, где делает подробные выписки из прочитанного и делится своими мнениями и наблюдениями. Предпочтение оказывает литературе по истории, изучению которой вскоре решает посвятить жизнь.

Два года Чертков прожил в Австрии, Швейцарии и Италии, куда отправился изучать историю и археологию этих стран. Написал «Воспоминания о Сицилии», которые позже были изданы. Эту книгу Александр Дмитриевич впоследствии подарил Пушкину, который побывал в доме на Мясницкой в свой последний приезд в Москву в 1836 году. По окончании Русско-турецкой войны Чертков навсегда оставляет военную службу, переезжает в первопрестольную, активно участвует в общественной жизни. В начале тридцатых годов его избирают московским губернским предводителем дворянства.

Окончательный выбор сделан: теперь он целиком отдается изучению русской истории. В дом на Мясницкой доставляют ящики с книгами, которые пополняют полученную в наследство от отца и деда богатую библиотеку. В своем увлечении Чертков не одинок. Таково было веяние времени: в те годы начинают создавать

свои библиотеки знаменитые bibliофилы Н.П. Румянцев, Ф.А. Толстой, М.П. Погодин. Крупные личные собрания российской интеллигенции впоследствии становятся основной ведущих российских библиотек. Однако Чертков берется за решение задачи, за которое в России еще не брался никто — собрать все, что когда-либо и на каком бы то ни было языке писано о России: «сочинения о России и славянстве в историческом, археологическом, литературном и других отношениях, на всех европейских языках и славянских наречиях» [3], все это изучить, систематизировать и создать первую в России библиотеку-музей литературных источников, предметов быта, монет и т. п.

Цель сформулирована конкретно, по-деловому: «Помочь снабдить необходимыми материалами тех, кто изучает Россию. <...> До сих пор, мы, кажется, еще не имели библиотеки, составленной из книг, исключительно касающихся до России, и таких, в которых, хотя мимоходом, говорится о нашем Отечестве. И между тем сколь полезно и необходимо такое собрание в одно место всех материалов, нужных для историка, статистика и литератора Русского! Каждый из них очень часто прерывает свой начальный труд единственно по неимению какой-нибудь книги, ныне редкой и для исследований необходимой; и где он ее отыщет? Кто возьмет на себя труд удовлетворить его желанию?» — так писал Чертков в предисловии к составленному им «Каталогу книг для изучения нашего Отечества во всех отношениях и подробностях», впервые изданному в 1838 году [4].

«Собрать все, что когда-либо и на каком бы то ни было языке, писано о России», дабы обеспечить доступ к первоисточникам — задача по плечу большому коллективу библиографов и историков. Решать ее взялся один человек. «Это долго казалось нам предприятием неудобно-исполнимым, — признавался Александр Дмитриевич. — Между тем книги покупались, библиотека с каждым днем увеличивалась, так что мы, наконец, начинаем уверяться в возможности исполнения нашего плана». На исполнение этого грандиозного плана Чертков тратит немалое состояние, унаследованное от родителей. С ростом числа книг планы становятся все амбициознее: «Для полного состава нашей библиотеки, кроме книг печатных и манускриптов, мы предложили собирать: 1) Грамоты рукописные и печатные. 2) Отдельные листы, изданные по разным причинам и на разные случаи. 3) Атласы всей России и отдельных ее частей. 4) Портреты Русских. 5) Планы и виды городов, монастырей, церквей, селений, памятников воздвигнутых в честь Русских. 6) Планы сражений, осад, позиций наших армий и крепостей, взятых Русскими. 7) Изображение исторических происшествий и событий; виды сражений. 8) Костюмы войск; изображения одежды народов, обитающих в России, и памятников древности. Одним словом, все относящееся до нашего Отечества» [5]¹.

¹ В круг интересов Александра Дмитриевича входили еще и естественные науки: он собрал большие коллекции минералов и бабочек, описывал флору Острогжского уезда. Seriously занимался археологией, первым в 1838 г. раскопал чертановские «вятичские курганы».

К концу жизни Черткова его собрание книг и рукописей содержало «более трехсот редких рукописей и 30 тысяч томов на разных языках, собранных с исключительной целью изучения России во всех отношениях и подробностях». Право пользоваться книгами, знакомиться с экспонатами своей коллекции Чертков охотно предоставлял всем, кого это интересовало. «Такого радушия, готовности служить советами и библиотекою я никогда более не встречал, — вспоминал историк и археолог Н.Н. Муравьев. — Дом его, кабинет, он сам, разбросанные статуэтки, книги, книжки, книжечки по столам, стульям — со мною как бы сроднились. Нигде так приятно и полезно не проводил я времени, как в гостеприимном доме Черткова» [3].

Чтобы помочь читателям ориентироваться в книжном море, создатель библиотеки берется за составление подробного ее описания, которое появилось в печати в 1838 году под названием «Всеобщая библиотека о России, или Каталог книг для изучения нашего Отечества во всех отношениях и подробностях» (Москва, 1838). Через семь лет выходит «Второе прибавление к каталогу, с большими примечаниями, с точными и подробными указателями и росписями». Эти два больших тома ученого описания книг до сих пор могут служить превосходным справочным руководством для всякого, кто бы захотел заняться изучением России. Чертков же называл этот свой серьезнейший научный труд всего лишь «пробными листами», которые раздавал своим ученым друзьям для «пополнений и новых указаний» с их стороны. В каталоге описано 4 701 сочинение на русском и иностранных языках. Чертков предлагает стройную исчерпывающую библиографическую систему с множеством разделов: история, география, законодательство, статистика, наука, культура и т. д. Включено все — от летописей и рукописей до исторических анекдотов, от книг на «Олонцеком, Чувашском, Зырянском и других языках» до списков российских чиновников, от географических карт до изданий о «человеколюбивых заведениях».

Результатом изучения материалов своего книжного собрания стали 12 научных трудов Черткова. Академия наук присудила «Описанию древних русских монет» (М., 1834) с «Прибавлениями» (1837, 1839 и 1841) полную Демидовскую премию. Чертков отказался от нее, предоставив деньги на напечатание Остромирова Евангелия. Дальнейшие труды Черткова, по большей части печатавшиеся в изданиях Московского общества истории и древностей российских: «О древних вещах, найденных в 1838 г. в Московской губернии Звенигородского уезда» (М., 1838); «Описание посольства, отправленного в 1650 г. от царя Алексея Михайловича к Фердинанду II, великому герцогу Тосканскому» (М., 1840); «О переводе Манассиной летописи на славянский язык, с очерком истории болгар, доведенной до XII века» (М., 1842); «Описание войны великого князя Святополка Игоревича против болгар и греков в 967—971 годах» (1843) и др.

В 1842 году Чертков (повторим: не имеющий университетского диплома и даже аттестата гимназии) был избран членом-корреспондентом Академии наук.

Смерть застала Александра Дмитриевича за работой над очередной рукописью. Согласно его завещанию, сын и наследник Черткова Григорий Александрович продолжил пополнение книжной коллекции и, исполняя волю отца, пристроил к дому на Мясницкой трехэтажное здание специально для библиотеки с мозаичным каменным полом и железными колоннами для предотвращения пожара и подвальным этажом для духовых печей, поддерживающих в здании температуру, обеспечивающую сохранность книг.

В 1863 году строительство было закончено и состоялось официальное открытие бесплатной общедоступной библиотеки. Три раза в неделю библиотека была открыта для посещений, по пятницам работала как музей.

На втором этаже нового здания расположилась библиотека. Книги разместили в шести залах, два из них предназначались для читателей. На третьем этаже поместили нумизматические коллекции и археологические находки. Еще в одном зале — коллекции монет, икон, старинной домашней утвари. Поднявшись по роскошной лестнице, можно было видеть сразу все залы, бесконечные шкафы с книгами от пола второго этажа до потолка третьего, на огромных овальных столах были разложены географические атласы, издания больших форматов. К залам примыкала комната с каталогами.

Библиотеке дарили книги историки, библиографы, писатели, среди которых были В.И. Даль и В.Ф. Одоевский. В 1867 году в ней уже насчитывалось, благодаря частным пожертвованиям, приобретениям и присоединению библиотеки князя А.Н. Голицына, 13 412 сочинений в 21 349 томах. Богатейшая коллекция книг по истории России, археологии, этнографии, географии, статистике, искусству, религии, праву, по истории и географии славянских народов, а также старопечатных изданий и рукописей в те годы не имела аналогов.

В течение пятнадцати лет в этом уникальном книгохранилище работал выдающийся знаток русской литературы и истории Петр Иванович Бартнев. Историк, библиограф, археолог и издатель, он составил и опубликовал третье издание каталога Чертковской библиотеки (1863). Благодаря Бартневу, в библиотеке не только можно было воспользоваться редчайшими книгами, но и получить исчерпывающую информацию, всестороннюю помощь от уникального библиографа. «Везде, где в моем романе говорят и действуют исторические лица, я не выдумывал, а пользовался материалами, из которых у меня во время моей работы образовалась целая библиотека книг», — писал Лев Николаевич Толстой [3]. Эти материалы для романа «Война и мир» были подобраны для него Бартневым. По просьбе автора Бартнев стал редактором и историческим консультантом романа. Для А.И. Герцена Бартнев переписал мемуары Екатерины II, запрещенные для публикации. За помощью к Бартневу обращались многие известные историки, писатели, публицисты. Он основал и начал издавать журнал «Русский Архив», в котором было опубликовано немало рукописей из книжного собрания Черткова. Петр Иванович собрал огромную коллекцию рукописей и личную библиотеку, позже его внуки подарили все это государственным архивам страны.

В 1871 году Григорий Александрович Чертков пишет дарственную: «Принадлежащее мне собрание по исключительному составу своему, кажется мне, не должно оставаться в руках частных лиц, и я желал бы вполне сделать его достоянием общественным», на что последовал Приговор Московской Городской Общей Думы от декабря 23-го дня: «Принять библиотеку в собственность города с сохранением за ней навсегда имени Городской Чертковской».

В 1873—1887 годах Чертковская библиотека помещалась в Румянцевском музее в Доме Пашкова и находилась в ведении московского городского управления; в 1887 году была передана в Императорский Российский исторический музей. Городская казна продолжала финансирование пополнения ее фондов до 1917 года. К 1922 году библиотека переросла масштабы музейной библиотеки и стала именоваться «Государственной исторической библиотекой» при Историческом музее. В июле 1934 года согласно постановлению № 644 Совета народных комиссаров РСФСР библиотека была выделена из состава музея в качестве самостоятельного учреждения — Государственной исторической библиотеки.

Лаборатория культурных инициатив

Александр Дмитриевич Чертков положил начало еще одной традиции, верность которой дом на Мясницкой хранит в течение долгих лет. В доме стали работать общественные объединения самых разных направлений. При жизни Александра Дмитриевича здесь проходили заседания первого в России Научно-исторического общественного объединения, занимавшегося изучением и публикацией документов древнерусской истории и литературы, — Общества истории и древностей российских. Членами Общества были историки, составлявшие цвет отечественной науки, — М.А. Оболенский, С.М. Соловьев, М.П. Погодин, С.П. Шевырев, писатель А.С. Хомяков. Чертков сначала был членом Общества, затем его избрали председателем.

Во второй половине XIX — начале XX века в России появляется социальный феномен — отечественная интеллигенция. На этот период приходится бурный рост всевозможных общественных формирований интеллигенции — благотворительных, профессиональных, культурно-просветительских обществ, самоуправляемых союзов, комитетов, объединений.

Гений места неустанно трудился в доме на Мясницкой, который в течение долгих лет оставался своего рода экспериментальной лабораторией общественно-полезных начинаний в области науки и культуры. Как магнитом, притягивал дом в свои стены московские добровольные общества, которые выбирали его для своих заседаний, выставок, библиотек. Выдающиеся специалисты обсуждали здесь важнейшие проблемы своего времени и искали пути их практических решений.

В 1860-е годы в дом вселяется Общество русских врачей. Григорий Александрович Чертков предоставил врачам возможность бесплатно собираться в зале библи-

отеки, где с 1862 по 1865 год проходили их собрания, на которых обсуждались важнейшие вопросы медицинской науки, в том числе практические меры по борьбе с чумой, алкоголизмом и детской смертностью, по лечению скарлатины и малярии. Основал Общество и вместе с ним «Московскую медицинскую газету» замечательный врач Федор Иванович Иноземцев (1802—1869), первым в России использовавший при операциях эфирный наркоз. Членами общества были врачи с мировым именем Н.И. Пирогов и С.П. Боткин.

В это же время в доме на Мясницкой обосновалось Общество любителей садоводства, созданное еще в 1830-х годах с целью организации в России садоводства, основанного на последних достижениях науки: «Из Москвы благое начинание со всеми полезными его применениями должно разветвляться, пускать глубокие корни и распространяться по необъятному пространству земли русской».

Душой Общества, блестящим организатором был энтузиаст Эрнст Иванович Иммер — директор семенного депо этого Общества. Результатом многолетней деятельности любителей садоводства стало распространение в России многих новых сортов садовых, зерновых и овощных культур. На Мясницкую поступали семена особо ценных сельскохозяйственных культур из России и из-за границы. Здесь же разместились библиотека Общества по всем отраслям садоводства, пополняемая все новыми каталогами и книгами о передовом мировом опыте в области сельского хозяйства. В Екатерининском парке Москвы Общество открыло первую опытную семенную станцию.

В конце XIX века — следующий поворот в истории дома. Он становится центром технического творчества для всей России. Новая владелица дома, уже не столь бескорыстная, как его прежние хозяева, сдает дом внаем Московскому архитектурному обществу. Первый его председатель архитектор М.Д. Быковский в своей учредительной речи сформулировал правило, которое могло бы послужить девизом многим российским добровольным объединениям: «Составляя теперь одно общество, исполняя честно и разумно свое призвание и помогая друг другу, мы будем иметь возможность приобрести более силы и надежды занять почетное место просвещенных деятелей на пользу своей страны» [3].

В 1897 году после нескольких лет подготовительной работы Общество открывает в доме на Мясницкой первую в России Архитектурно-художественно-техническую выставку, которая занимает 21 комнату особняка. Инициатором и организатором выставки был выдающийся зодчий и общественный деятель Роман Иванович Клейн — с 1896 года председатель Общества архитекторов, создатель таких шедевров московской архитектуры, как здание Музея изящных искусств (ныне Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина), торгового дома «Мюр и Мерилиз» (нынешний ЦУМ), Бородинского моста, кинотеатра «Колизей» (ныне театр «Современник»), колоннады в Архангельском и др.

На выставке были представлены лучшие строительные материалы отечественного производства, можно

было получить исчерпывающие сведения о ценах на них и условиях их производства. Экспонировались образцы оформления домов и квартир, драпировок, мебели, вентиляционные и водопроводные системы. Художники и архитекторы давали посетителям профессиональные консультации. Сюда приходили архитекторы и заказчики, чтобы выбрать практически все, что им было необходимо для строительства и оформления. Для того чтобы доказать преимущества отечественных строительных материалов, на выставке работала лаборатория, их испытывающая, демонстрировались опыты с отечественным сырьем, свидетельствующие, что оно не хуже зарубежных и к тому же намного дешевле. Выставка сыграла немалую роль в утверждении приоритета России в области строительства и архитектуры и способствовала расширению отечественного производства.

В 1900 году в доме на Мясницкой зазвучала музыка, здесь стали устраиваться концерты, на которые стремилась попасть вся Москва, — в доме поселился Московский литературно-художественный кружок. Несмотря на скромное название «кружок», объединение ставило весьма масштабные цели: «способствовать развитию литературы и изящных искусств». Позднее Кружок создаст комиссию памяти А.П. Чехова для оказания материальной помощи нуждающимся деятелям культуры.

С Кружком связаны имена корифеев театра М.Н. Ермоловой и В.И. Качалова, художников В.А. Серова и И.С. Остроухова, основателя Театрального музея А.А. Бахрушина, писателя В.А. Гиляровского, одного из руководителей Художественного театра Вл.И. Немировича-Данченко, актрисы Малого театра А.А. Яблочкиной, впоследствии в течение многих лет бессменного председателя Всероссийского театрального общества. Во главе дирекции Кружка стояли знаменитый актер А.И. Сумбатов-Южин и архитектор Ф.О. Шехтель.

Просвещение — мощный рычаг модернизационных преобразований

В судьбе дома на Мясницкой отражена полуторавековая история российского просветительства: смена понимания его роли, предназначения, практических решений.

Российское просветительство проходит через всю отечественную историю, проявляя себя как мощный рычаг модернизационных преобразований. Во все времена передовая интеллигенция была озабочена масштабами вопиющей неграмотности населения и в ликвидации неграмотности и приобщении народа к культуре видела панацею чуть ли не от всех социальных и экономических бед. Неслучайно именно с обучения грамоте солдат, рабочих и крестьян начинались в России революционные движения — от декабристов до большевиков. Самой популярной демократической формой просветительства стали в России общедоступные библиотеки, которые создавали добровольные общества и комитеты грамотности. Публичная библиотека Черткова — достойное продолжение и развитие этой традиции.

Центром просвещения остался дом на Мясницкой и после революции. Отныне государственное просветительство решало новые задачи: массовой ликвидации неграмотности и подготовки в кратчайшие сроки специалистов, преданных власти и способных восстанавливать народное хозяйство. Дом Черткова стал местом, где проходили апробацию доселе невиданные в России формы и методы, с помощью которых неопытных, малограмотных, а то и вовсе неграмотных рабочих в кратчайшие сроки можно было превращать в руководителей производства — «красных спецов», учить на практике, в процессе живого обмена опытом.

Национализированный и к тому времени полуразрушенный и разграбленный дом на Мясницкой наскоро отремонтировали и открыли в нем Деловой клуб. По сути, это был своеобразный учебный центр с использованием клубных форм общения (беседы, обмен опытом, встречи со специалистами, экскурсии на предприятия как преуспевающие, так и отстающие). В названии «клуб» видится признание вынужденной ограниченности подобной подготовки руководящих кадров.

С 1923 года в особняке начинает работу еще один подобный учебный центр — Клуб красных директоров. Помещение для него выбирал сам председатель ВСНХ Ф.Э. Дзержинский, который затем часто сюда навещался. В «красные директора» отбирали наиболее сознательных рабочих, часто без какого-либо образования, ориентируясь, в основном, на умение выступать на собраниях. В клубе их знакомили с основами математики, физики, технологий производства. Кого-то надо было учить просто читать и писать.

В Клубе красных директоров работали секции химиков, пищевиков, металлистов, текстильщиков. За первый год обучение здесь прошла половина директоров предприятий Москвы. На занятиях обсуждались контрольные цифры первой пятилетки, проблемы рационализации производства, новые формы организации рабочего времени и т. д. Занятия проводили и читали лекции ведущие специалисты народного хозяйства. Дом на Мясницкой не мог вместить всех желающих, поэтому лекции стенографировались и раздавались всем, кто не смог попасть в клуб. По примеру Москвы, подобные клубы открывали и в других городах.

Потребность в такой форме обучения росла, и в 1927 году работавшие в одном доме Деловой клуб и Клуб красных директоров, по предложению Ф.Э. Дзержинского, их опекавшего, были объединены в Клуб работников народного хозяйства. Здесь открываются «промышленный кабинет», техническая библиотека, кабинет рационализации. В уставе этого учебного центра записана его основная задача: «популяризация научных методов и усовершенствований в области техники труда и организации производства; содействие взаимному общению представителей государственных учреждений, кооперативных, профессиональных и политических организаций для обмена опытом и обеспечения деловых сношений».

С 1932 года в Клубе работников народного хозяйства им. Ф.Э. Дзержинского было более 1300 членов. В доме на Мясницкой работали кружки и курсы иностранных языков, проходили встречи со знаменитыми учеными. Среди них — полярный исследователь и конструктор дирижабля Умберто Нобиле. Нарком внешней торговли СССР Л.Б. Красин, выступая перед красными директорами, охарактеризовал требования к новому типу хозяйственника-коммуниста следующим образом: «Хороший красный директор должен быть как породистая английская лошадь, быстрый в движениях, поджарый, спокойно-сдержанный и готовый в любой момент развить большую энергию» [3]².

Так, начиная с 1920-х годов, в Доме Черткова «в соответствии с требованием момента» искусство и гуманитарные науки уступили место темам сугубо прагматическим: борьбе с потерями производства, техническому контролю, борьбе за качество, рационализации производства, введению хозрасчета и т. д. Понимание культуры того времени было сформулировано в журнале «Предприятие»: «Каждый кусок прочного ситца, каждая кружка, петля для окна, наконец, каждый рельс — все это прокламация культуры». В 1936 году клуб Дзержинского реорганизовали в Дом инженера и техника, а в 1955-м — в Московский Дом научно-технической пропаганды им. Ф.Э. Дзержинского, который стал одним из структурных подразделений Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, учрежденного в 1947 году (с 1963 года — Общество «Знание»). В послевоенные годы идея просвещения в очередной раз остро востребована: надо было срочно восстанавливать народное хозяйство, закладывать основы его перспективного развития и воспитывать граждан в духе марксизма-ленинизма.

Последней страницей в истории дома Черткова как места памяти, как центра, где вершились судьбы отечественной культуры, стала крупнейшая советская структура — общество «Знание», учрежденное в 1963 году. Названная на старинный лад Обществом, эта организация стоит в одном ряду с такими же именуемыми «общественными» советскими организациями, как пионерия, комсомол, творческие союзы. «Не беспартийное “культурничество”, а воинствующая, наступательная, проникнутая духом большевистской партийности пропаганда политических и научных знаний, которая должна помогать вытравлять вредные и отвратительные проявления буржуазных пережитков», — так формулировал задачи общества «Знание» академик М.В. Митин [6]. Вместе с тем в деятельности общества «Знание» причудливо сочетались давние традиции российского просветительства — общедоступность, высокий профессионализм кадров, интереснейшие программы распространения знаний по всем отраслям науки и культуры и гипертрофированная идеологизация.

Дом научно-технической пропаганды Общества «Знание», обосновавшийся в особняке на Мясницкой, внес

свою лепту в дело повышения квалификации научно-технических кадров. По темам его семинаров, лекций, конференций, консультаций можно проследить, какие главные задачи стояли перед народным хозяйством в 1950—1980-е годы, как шел поиск решений охраны окружающей среды, управления производством, ускорения научно-технического прогресса, совершенствования планирования и т. д. В Доме работало 46 научных секций, 20 факультетов народного университета, 7 лекторских групп. К преподаванию и консультированию специалистов, чтению лекций привлекались лучшие научные силы страны. В середине 1960-х здесь с докладом выступил Главный конструктор космических кораблей Сергей Павлович Королев. Здесь издавалась литература по разным отраслям знаний. Подобные Дома создавались в Болгарии, Польше, ГДР, Венгрии. С ними было налажено сотрудничество. Дом поддерживал деловые связи со специалистами США, Японии, Великобритании, ФРГ.

Гений места покидает дом на Мясницкой

В 1990-е годы история дома Черткова как центра культуры закончилась. «Дом научно-технической пропаганды», в 1991 году переименованный в «Центральный Российский Дом знаний», выселен. Здание, некогда объявленное «памятником зодчества, охраняемым государством», пусто, полуразрушено, но строго «охраняемо», только неизвестно кем. Дальнейшая история Дома Черткова — тема для разбирательства многоопытных юристов. Видимо, только им под силу вникнуть в подоплеку всех хитросплетений и манипуляций в связи с его арендой. Ясно одно: Гений места, добрый дух покинул Дом Черткова, уступив место духу вандализма и коммерции (если таковой есть).

Как и прежде, Дом Черткова остался символом своего времени, теперь — «лихих девяностых», времени ловких комбинаторов, которым не до культуры и просвещения. В руки подобных комбинаторов и попал в 1990-е Дом Черткова — для них не «Памятник зодчества, охраняемый государством» (о чем сообщала табличка на его стене, которая вскоре исчезла), а дорогая недвижимость в центре столицы. Не заинтересовали комбинаторов ни сохранившиеся красивейшие интерьеры дома (недаром в конце XIX — начале XX века дом сдавался внаем для проведения различных торжеств), ни его залы, оформленные в разных стилях. Сначала московские власти передали дом в аренду на 49 лет «ЛогоВАЗу», скрывавшемуся под именем АООТ «Новое знание». С тех пор в течение почти двадцати лет в самом центре Москвы стоял дом Черткова, огороженный забором, к которому даже приблизиться не подпускали грозные охранники. Разрушался фасад, на крыше успели вырасти деревца. Развалилась карниатура над входом. Зимой 1997 года пожар покорежил правый флигель. В конце 1990-х — начале 2000-х годов журналисты забили тревогу: в прессе российской и зарубежной появились публикации о плачевном состоянии дома и книг из библиотеки Черткова: денег на их реставрацию не находилось, книги ветшали [7; 8; 9, 10].

² По-настоящему профессионально готовить советских хозяйственников стало возможным позже — с созданием Промакадемии, открытой по инициативе этого клуба.

Представители интеллигенции писали письма в защиту уникального места памяти. Не раз письменно и устно обращался к мэру столицы Лужкову и к тогдашнему министру культуры Дмитрий Сергеевич Лихачев. В ответ следовало молчание. Московские власти отказались от немалых денег, которые собрал для того, чтобы восстановить и вернуть Москве дом и библиотеку, потомок Александра Дмитриевича Черткова Николай Сергеевич Чертков, приехавший из Америки спасать родовое гнездо. Наконец свыше последовал ответ: «Вопрос о реставрации чертковского дома неактуален». Однако когда в Москве решили отметить памятную дату — 125 лет со дня передачи чертковской библиотеки в дар городу, Николая Сергеевича Черткова на празднование пригласили и даже предоставили ему слово на заседании Государственной Думы. Депутаты устроили Черткову овацию. Была составлена петиция на имя Президента Ельцина, которую подписали 43 депутата. Но и она осталась без ответа. Мэрия Москвы даже усмотрела в выступлении Черткова «политическую подоплеку».

Между тем состояние дома ухудшалось. «ЛогоВАЗа» на Мясницкой уже не было. В 1999 году Правительство Москвы проводит конкурс на право аренды одного из строений дома 7/3 по Мясницкой улице. Выигрывает его ООО «Европейское экологическое сообщество», получившее дом в аренду на 49 лет. Еще через несколько лет с фасада убирают зеленую сетку. Сегодня отреставрированный ярко-голубой фасад поражает великолепием. Но — увы! — он пока больше похож на театральный задник, декорацию, рассчитанную на фронтальное лицезрение с почтительного расстояния. Дабы любопытные зрители не вздумали приблизиться, чугунные ворота на замке устрашающих размеров. Бронзовая доска с надписью «Памятник зодчества охраняется государством» давным-давно снята со стены дома. Нет доступа и в здание знаменитой библиотеки: ободранная массивная дверь наглухо забита и ручки с нее сняты, чтобы зря не дергали. За углом изнанка эффектной декорации — облупленная задняя стена дома, за неприступной металлической сеткой горы строительного мусора.

Жизнь кипит только в правом крыле дома. Здесь в памятнике культуры обосновался ресторан «Гримо». Новые хозяева вопреки традиции — не просветители и общественники, как было раньше, а рестораторы — переоборудовали помещение согласно своим вкусам «в прованском стиле».

Каким бы уникальным центром культуры мог стать дом Черткова, если бы сегодня вернулся в него Гений места! Если бы любовь и уважение к отечественной истории и культуре, к великим местам памяти России возобладали над невежеством и голым расчетом! Тогда бы дом восстановили по сохранившимся в архиве чертежам, в левый флигель на свое законное место вернулись бы спасенные и отреставрированные книги и рукописи (или хотя бы часть их) и открылся бы здесь филиал Исторической библиотеки — библиотека-музей, которой

решением Московской Думы навсегда было присвоено право именоваться Городской Чертковской. Проводила бы эта библиотека ставшие традиционными Чертковские чтения — масштабные конференции историков, краеведов, культурологов, библиотекведов и архивистов, специализирующихся на изучении книжного, библиотечного дела и истории России. В уникальном здании отмечались бы памятные даты, проводились бы книжные выставки. А может быть, возвратили бы сюда уникальные коллекции хозяина дома. Или создали бы в доме музей выдающихся культурных инициатив, социального творчества, знакомящий наших современников с великими российскими подвижниками. Для одной только экспозиции, посвященной служению России династии Чертковых, материалов масса — уникальные гравюры, портреты, семейные альбомы, которые хранятся в запасниках Исторического музея. В библиотеке-музее давались бы спектакли, звучали стихи и музыка, проводились школьные уроки истории, встречались бы нынешние хранители культуры, клубы любителей истории, которым так не хватает в Москве помещений. Вот вам и центр патриотического воспитания. Вернулся бы сюда и Дом знаний, что помогло бы ему осуществлять свои интереснейшие программы. В парадных залах наконец восстановленного Дома Черткова проходили бы, как встарь, балы и концерты, в правом флигеле вместо ресторана, к примеру, разместились бы музыкальная школа. Нашлось бы место и для кафе — места общения московской интеллигенции, каким задумывалось в свое время кафе «Пушкин» на Тверском бульваре. Но пока все это из области мечтаний...

Список литературы

1. *Нора П.* Франция — память. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999.
2. *Вайль П.* Гений места. — М.: Астрель, 2010.
3. *Шикман А.П.* Улица Кирова, 7 (биография московского дома). — М.: Московский рабочий, 1989.
4. *Чертков А.Д.* Всеобщая библиотека России, или Каталог книг для изучения нашего Отечества во всех отношениях и подробностях: в 2 т. Репринтное издание 1838 и 1845 гг. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.alfaret.ru/item.php?cid=14&pid=275>
5. *Фролова М.М.* Александр Дмитриевич Чертков (1789—1858). — М.: Изд-во Главархива Москвы, 2007.
6. *Григорян Г.* Всесоюзное общество «Знание» как коммуникатор для власти и научного сообщества СССР // Наука и время. — 2012. — 5 окт.
7. *Алейник Л.* Наследник, лишенный наследства // Огонек. — 2008. — № 52.
8. *Морозова Н.* Забытые имена [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://clubs.ya.ru/4611686018427397615>
9. *Езерская Б.* В поисках корней: Чертков, сын Черткова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.chayka.org/>
10. *Уманская А.* Продолжение чертковской эпопеи [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.tchertk-offmemorial.com/>